

Д.Г. Савинов

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ФОРМЫ «ТЮРКИЗАЦИИ» НАСЕЛЕНИЯ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В ИСТОРИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ

На основании сведений письменных источников и археологических материалов рассматривается проблема тюркизации населения юга Западной Сибири в эпоху раннесредневековых государственных образований Центральной Азии; предлагается наиболее аргументированный вариант ее решения. Тюркизация как процесс, включающий распространение и адаптацию в местных условиях целого ряда элементов южного происхождения (язык, особенности культуры и проникновение отдельных групп их носителей), эпизодически могла происходить на протяжении всей второй половины I тыс. н.э., но окончательно завершилась только к концу этого периода. Решающим фактором при этом явилось распространение на север племен кимако-кыпчакского объединения (сросткинская археологическая культура, середина IX – 30-е гг. XI в.).

Ключевые слова: Западная Сибирь; язык; культура; предметы вооружения; керамика; погребальный обряд; тюркизация; этническая группа; переселение; государство.

Понятие «тюркизация» как определение влияния/распространения тюркоязычных кочевников среди раннесредневекового населения Западной Сибири давно стало общепотребительным. Различным аспектам решения этой проблемы уже посвящена достаточно обширная литература: исследования А.П. Дульзона, Л.А. Чиндиной, Л.М. Плетневой, Т.Н. Троицкой, В.А. Могильникова, Б.А. Коникова, А.М. Илюшина, С.В. Неверова, А.С. Васютина и др. В работах этих и других авторов рассматриваются вопросы хронологии и периодизации западносибирских археологических культур, времени появления в них различного рода элементов южного происхождения, предполагаемые места исхода и пути распространения их носителей и т.д. По многим из этих вопросов мнения исследователей совпадают, по некоторым – расходятся. Однако именно такие расхождения актуализируют дальнейшие исследования в этом направлении – определение содержания и форм проявления процессов тюркизации.

Общий ареал распространения этих процессов на территории Западной Сибири был определен А.П. Дульзоном по данным топонимики приблизительно на уровне 55-й параллели – немного севернее линии Красноярск – Томск – Тобольск, с выделением сплошного и более редкого распространения тюркских топонимов [1]. Время тюркизации – период господства на юге тюркоязычных правящих династий (середина I – начало II тыс. н.э.). С археологической точки зрения, основным источником выявления южного (иначе – древнетюркского) компонента в культурогенезе населения Западной Сибири являются особенности погребального обряда и, главным образом, достаточно многочисленные находки предметов вооружения, конского снаряжения и поясной гарнитуры южного происхождения в материалах западносибирских археологических культур.

Рассмотрение этих материалов чаще всего проводится суммарно – на основе синхронизации с историческими датами существования того или иного госу-

дарственного образования Центральной Азии и Южной Сибири (Первый тюркский каганат, VI–VII вв.; Второй тюркский каганат, VII–VIII вв. и т.д.). Однако при этом следует иметь в виду некоторые теоретические аспекты изучения того, что принято называть процессом тюркизации, а они указывают на необходимость более углубленного изучения данного вопроса.

Во-первых, понятие тюрки (соответственно – тюркизация), а применительно к эпохе Раннего Средневековья – древние тюрки, не столь однозначно, как это кажется. Первоначально, после открытия древнетюркских рунических надписей в Монголии, оно использовалось в прямом – лингвистическом – значении (В.В. Радлов); потом было перенесено на историю народов «эпохи рунического письма» (С.П. Толстов, С.В. Киселев, А.Н. Бернштам, С.Г. Кляшторный); затем, по мере изучения культурного наследия населения Центральной Азии и Южной Сибири, перешло на этнографический (Л.П. Потапов) и уже в последнюю очередь – на археологический материал (С.И. Вайнштейн, А.Д. Грач). Таким образом, круг культурных явлений, определяемых в целом как «древнетюркские» (а именно они участвуют в процессе тюркизации), оказывается достаточно широк и, учитывая полиэтничность всех раннесредневековых государственных образований, требует, по мере возможности, уточнения, какое из приведенных значений имеется в виду (подробнее об этом см.: [2]). Во всяком случае на завершающем этапе тюркизации они должны каким-то образом совпадать.

Во-вторых, морфология понятия археологического источника применительно к древнетюркскому культурному комплексу требует определенной дифференциации. Как и в любой археологической культуре, в нем выделяются, по меньшей мере, три социально ориентированных блока компонентов: бытовой (или хозяйственный), который вряд ли мог существенно проявиться в новых физико-географических условиях; элитный, фиксируемый главным образом в драгоценных (престижных) импортных изделиях, которых в за-

падносибирских археологических материалах этого времени практически нет; и, наконец, блок ранжированной культуры, в первую очередь воинской субкультуры, который в основном составляет корпус находок южного происхождения в вещественных материалах западносибирских памятников.

В-третьих, раннесредневековые общества Западной Сибири ни в коем случае нельзя рассматривать только как пассивных реципиентов постоянных инноваций, идущих с Юга на Север. Совершенно очевидно, что на территории Западной Сибири в эпоху Раннего Средневековья (а, скорее всего, раньше – с кулайского времени) сложилась своя, самостоятельная – потестарная – форма этносоциального объединения, обладавшая определенной системой ценностей, механизмами сохранения и передачи традиций, отличная от древнетюркских государственных образований и существовавшая параллельно с ними [3]. Наиболее близко к такому пониманию подошел Б.А. Коников, посвятивший одну из своих работ проблеме «сосуществования, взаимодействия и противоборства двух великих цивилизаций – тюркской кочевой степной и угро-самодийской оседлой лесостепной и южнотаежной» [4. С. 275]. О том, что это были высокоорганизованные военизированные общества, свидетельствует арсенал разнообразных предметов вооружения, представленных, например, в материалах релкинской культуры [5] и других раннесредневековых памятниках Западной Сибири.

Обращаясь к конкретному археологическому материалу, возможно, следует пока оставить в стороне, как свидетельства тюркизации, некоторые категории изделий: имеются в виду поясные наборы «геральдического стиля» и серьги «салтовского типа», вообще имевшие в это время чрезвычайно широкое распространение (Крым, Северный Кавказ, Приуралье и Прикамье), т.е. далеко за пределами Западной Сибири, и отражающие «моду» своего времени, а не какие-то конкретные культурно-исторические процессы.

Теоретически процессы тюркизации, учитывая предполагаемую тюркоязычность хуннов, могли начаться достаточно рано, но вряд ли это могло иметь какое-либо существенное значение в культурогенезе; в лучшем случае можно говорить о культурных контактах в западносибирской части сферы влияния хунну. Тем более это касается последующего постхуннского (или предтюркского) времени, когда все интересы центральноазиатских кочевников были сосредоточены на создании своей системы доминирования и контролем над Великим Шелковым путем.

Используя уже не раз примененный и в целом оправдавший себя подход к объяснению элементов южного происхождения в западносибирских археологических материалах сравнением их с предполагаемыми оригиналами (или прототипами) в культурах раннесредневековых кочевников Центральной Азии и Южной Сибири, можно идти тем же путем. Однако не столько для использования точных дат существования

тех или иных государственных объединений, которые при перенесении на «Север» так или иначе требуют корректировки, сколько исходя из особенностей развития и возможностей (необходимости) такой ретрансляции со стороны самих государственных объединений, т.е. исторических контекстов «Юга». А они, оказывается, для разных периодов (или народов) были различными.

Период Первого тюркского каганата (середина VI – 30-е гг. VII в.) – один из наименее изученных в археологии Центральной Азии и Южной Сибири. Достоверных комплексов этого времени практически неизвестно (эпонимный памятник – могильник Кудыргэ – в лучшем случае относится к самому концу этого периода). Тем более проблематично (за исключением отдельных находок, о которых говорилось выше) «узнавание» их в Западной Сибири. Наиболее яркие памятники периода Первого тюркского каганата (например, Шиловский курган № 1 в Самарском Поволжье, древности типа Перещепинского клада и др.) открыты не в азиатской, а в европейской части Великой степи. Это соответствует общей направленности экспансии правителей Первого тюркского каганата, устремленной главным образом на Запад (вплоть до Боспора), принимавших активное участие в войнах между Византией и Сасанидским Ираном и, очевидно, мало обращавших внимание на население более северных областей.

Период Второго тюркского каганата (70-е гг. VII – середина VIII в.) знаменуется гораздо более интенсивным взаимодействием с югом Западной Сибири: достаточно вспомнить знаменитый поход древних тюрков 709–711 гг. под водительством Бильге кагана и Тоньюкука на Енисей и далее через Северный Алтай с выходом на Иртыш. Это был единственный зафиксированный письменными источниками исторический эпизод, когда кони тюркских всадников «копытили» североалтайские и прииртышские степи (возможно, что на самом деле их было больше, но, поскольку они не нашли отражения в письменной традиции, значит, и значение их было не столь велико). Территория Второго тюркского каганата была значительно менее обширна по сравнению с Первым, западная граница его проходила по Восточному Притяньшанью («Джунгарские ворота»), и все военные действия были направлены не на завоевание западной части Великой степи, а против окружающих местных племен, в том числе, возможно, и на территории Западной Сибири. Но все это были в лучшем случае военные походы, не связанные ни с этническим переселением, ни с освоением новых областей.

Приблизительно в это время и позже в Западной Сибири появляются первые (правда, очень редкие) захоронения с конем и довольно большое количество металлических изделий тюркского облика, на основании которых наиболее активная фаза тюркизации обычно относится именно к этому времени. В число этих инноваций входят поясные наборы с бляхами-

оправами, предметы вооружения (наконечники стрел и копий, кинжалы), предметы снаряжения верхового коня и украшения конской сбруи (стремена с выделенной пластиной, «S»-видные псалии, подвесные бляхи-решмы и др.), формально относящиеся, по саяно-алтайской периодизации, к катандинскому этапу культуры алтае-телеских тюрков (VII–VIII вв.), но продолжающие жить и в последующее время. Эти находки свидетельствуют о распространении на территории южных лесостепных областей Западной Сибири (лесостепной Алтай, Барабинская лесостепь, Среднее Прииртышье) ранжированной (воинской) субкультуры, скорее всего, способствовавшей формированию потестарных военно-политических объединений на территории Западной Сибири. Но это еще не является свидетельством ни языковой, ни этнокультурной ассимиляции населения Западной Сибири, синонимичной понятию «тюркизация».

Скорее всего, данный культурный комплекс распространяется на территорию Западной Сибири не в период расцвета Второго тюркского каганата, хотя это и не исключено, а уже после его крушения под ударами уйгуров, т.е. не ранее середины VIII в. Об этом определенным образом свидетельствует историческая обстановка, сложившаяся в данный период в северо-западной (алтайской) части политического влияния уйгуров. Судя по сведениям письменных источников (известная надпись Бьян-чора и др.), Алтай («Алтунская чернь») не входил в состав Уйгурского каганата. Как показывают археологические материалы, сюда были оттеснены главные силы сохранившейся элиты алтае-телеских тюрков (курайский этап), сосуществовавшие с уйгурами династии Яглакар, центр расселения которых находился в Монголии (подробнее об этом см.: [6]). В данной ситуации именно Алтай, как ближайшая пограничная область к Западной Сибири, мог стать основным источником поступления (по бассейну Верхней Оби с притоками) инноваций южного происхождения в соседние районы юга Западной Сибири. Однако это тоже кардинально не изменило традиционной верхнеобской культуры, согласно существующей хронологии дожившей до этого времени [7], вряд ли носило характер массового переселения и могло привести к активной тюркизации местного населения.

Вместе с изделиями общетюркского облика этого времени на север могли проникать и отдельные виды изделий предшествующего (кудыргинского) типа. Носителями этих инноваций могли быть тюркоязычные кочевники, скорее всего, воинские подразделения, вытесненные со своих земель в период становления уйгурского каганата (середина VIII – середина IX в., точнее, 745–840 гг.). По всей вероятности, это должно было привести к образованию своеобразной «билингвы», как языковой, так и культурной, с преобладанием в бытовой традиционной культуре местных компонентов. Таким образом, в методологическом отношении мы приходим не к строгой синхронизации археологиче-

ских и письменных источников, а к «опережающему» значению исторических (письменных) дат по отношению к материалам археологических памятников, хотя взаимосвязь их в целом представляется несомненной.

По-настоящему процессы тюркизации в Западной Сибири начинаются с середины IX в., когда после гибели Уйгурского каганата на прилегающих к нему с севера землях складывается одно из самых поздних и самое северное древнетюркское этносоциальное объединение – государство кимако-кыпчаков с центром на Иртыше. В рамках кимако-кыпчакской конфедерации (сросткинская культура, середина IX – начало X в.) образуется ряд локальных вариантов (северо-алтайский, кемеровский, новосибирский), располагавшихся уже непосредственно на территории южных районов Западной Сибири. Именно в это время здесь появляются повсеместно захоронения в сопровождении так называемой шкуры коня, многочисленные металлические изделия общетюркского облика, характерные для сросткинской культуры ажурные украшения, двухсоставные застежки, длинные ременные наконечники и другие предметы сросткинского культурного комплекса, свидетельствующие о сложении многочисленного тюркизованного, очевидно, как в языковом, так и в культурном отношении, населения. Распространение этих инноваций, скорее всего, шло на север по Иртышу, где находился прежний центр кимако-кыпчакского объединения, и носило, по всей вероятности, характер миграции одной, а скорее всего, нескольких (или многих, судя по разнообразию погребальных обрядов) этнических групп. Одной из причин этого могло послужить завоевание Горного Алтая енисейскими кыргызами, потеснившими кимаков на Иртыше.

Об этнической близости населения Прииртышья и юга Западной Сибири в это время свидетельствует, помимо всего прочего, сходство керамики [8], как известно, одного из наиболее устойчивых этнических признаков культуры. Немаловажное значение, очевидно, имело и то, что в хозяйственном отношении племена кимако-кыпчакского объединения были не столь специализированы, как кочевники Центральной Азии, и легко адаптировались в условиях традиционной комплексной экономики населения южных районов Западной Сибири.

Таким образом, контаминация (интеграция, объединение) всех необходимых компонентов в процессе тюркизации (язык, население, культура) на рубеже I и II тыс. н.э., по-видимому, завершилась. После распада кимако-кыпчакского объединения (30-е гг. XI в.) центробежные направления расселения входивших в него этнических групп «разнесли» эти традиции еще дальше на север. А последующая басандайская культура предмонгольского и раннемонгольского времени, XI–XIII вв. [9, 10], уже закрепила эти особенности генетически. Дальнейшее взаимодействие всех тюркоязычных групп населения юга Западной Сибири происходило уже в рамках нового культурно-исторического пространства, получившего образное наименование

«Дешт-и-Кипчака», восточная граница которого простиралась до западных склонов Горного Алтая и Кузнецкого Алатау.

Типологически близкие процессы происходили на юге Средней Сибири – месте основного обитания енисейских кыргызов, с той лишь разницей, что о военных походах древних тюрков, уйгуров и других против кыргызов неоднократно говорится в письменных источниках. Это еще раз оттеняет историко-географическое своеобразие Западной Сибири, «до поры, до времени» находящейся за пределами (или досягаемости) центральноазиатских государственных образований. Однако известно, что и на Енисее после окончания периода так называемого кыргызского великодержавия, в конце X в. ставка правителя была перенесена на север, в излучину Чулыма, где уже в среднем течении Чулыма, восточнее Томска, были открыты позднекыргызские могильники с характерным инвентарем XI–XIII вв.

[11]. Совершенно очевидно, что их появление здесь также сопровождалось процессами тюркизации местного населения, наряду с другими компонентами, участвовавшими в формировании чулымских тюрков.

Близкие по содержанию процессы происходили и на Средней Лене, с чем связано выделение южного – тюркского – компонента, в этнокультурогенезе якутов. Каждое из этих культурно-исторических явлений, происходивших, возможно, по-разному, но в относительно одновременном хронологическом срезе, заслуживает специального внимания. В целом они показывают, что процессы тюркизации в каждой из этих областей – это часть более масштабной общей проблемы взаимодействия Севера и Юга, актуальной для всей этнокультурной истории Центральной и Северной Азии, основная стратегия изучения которой наиболее полно и аргументированно разработана на археологических материалах Западной Сибири.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дульзон А.П. Этнический состав древнего населения Западной Сибири по данным топонимики // Труды XXV Международного конгресса востоковедов. М.: Наука, 1963. Т. III. С. 289–295.
2. Савинов Д.Г. Древнетюркское время – культура – традиция (история появления термина и некоторые вопросы культурогенеза) // Интеграция археологических и этнографических исследований: сб. науч. тр. Красноярск; Омск: Издательский дом «Наука», 2006. С. 29–32.
3. Савинов Д.Г. Потестарные объединения Западной Сибири в эпоху Раннего Средневековья // Культура как система в историческом контексте: опыт Западно-Сибирских археолого-этнографических совещаний: материалы XV Междунар. археол.-этнограф. конф. Томск: Аграф-Пресс, 2010. С. 24–26.
4. Конилов Б.А. О взаимодействии тюркской и угро-самодийской цивилизации (эпоха Раннего и Развитого Средневековья) // Тюркские народы. Материалы V Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск; Омск: Изд-во ОмГУ, 2002. С. 275–276.
5. Чиндина Л.А. Могильник Рёлка на Средней Оби. Томск: Изд-во ТГУ, 1977. 189 с.
6. Савинов Д.Г. «Звездный час» раннесредневекового населения Горного Алтая (середина VIII – середина IX в.) // Фундаментальные проблемы археологии, антропологии и этнографии Евразии. К 70-летию акад. А.П. Деревянко. Новосибирск: Изд-во ИАЭ СО РАН, 2013. С. 445–459.
7. Васютин А.С. Проблемы хронологии завершающего этапа верхнеобской культуры // Культура как система в историческом контексте: опыт Западно-Сибирских археолого-этнографических совещаний: материалы XV Междунар. археол.-этнограф. конф. Томск: Аграф-Пресс, 2010. С. 112–115.
8. Арсланова Ф.Х. Керамика раннесредневековых курганов Казахского Прииртышья // Средневековые древности Евразийских степей. М.: Наука, 1980. С. 79–104.
9. Плетнева Л.М. Томское Приобье в начале II тыс. н.э. по археологическим источникам. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1997. 349 с.
10. Савинов Д.Г., Новиков А.В., Росляков С.Г. Верхнее Приобье на рубеже эпох. Басандайская культура. Новосибирск: Изд-во ИАЭ СО РАН, 2008. 423 с.
11. Беликова О.Б. Среднее Причулымье в X–XIII вв. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1996. 269 с.

Savinov Dmitry G. Sankt-Peterburg State University (Sankt-Peterburg, Russia). E-mail: lazarevskaya_n@mail.ru

ARCHAEOLOGICAL FORMS OF 'TURCIZATION' OF WESTERN SIBERIA'S POPULATION IN A HISTORICAL CONTEXT.

Keywords: Western Siberia; language; culture; armament items; ceramics; burial rite; turcization; ethnic group; resettlement, state.

Turcization is one of the key issues in the ethno-cultural history of Western Siberia's population in the early Middle Ages. A rather extensive body of literature is devoted to various aspects of it; however, no single universally accepted concept has been formed so far. Drawing upon written sources and archaeological materials, the article proposes a well-reasoned way of solving this issue. Southern components of culture presented in the 'North' are considered based on the specificities of development and possibility of (or a need for) such a retranslation on the part of state formations themselves, i.e. historical contexts of the 'South'. Turning to specific archaeological material, it should be said that very few archaeological sites are known which date back to the First Turkic Khanate, and this makes it even harder (except for some findings) to 'identify' them in Western Siberia. This is in line with the general vector of expansion by First Turkic Khanate rulers directed primarily at the West (to the Bosphorus) who apparently paid little attention to the population of areas further in the north. The Second Turkic Khanate period is marked by a much more intensive interaction with the south of Western Siberia: suffice it to recall the famous campaign of ancient Turks that went to Yenisei in 709–711 and then on to Northern Altai reaching the Irtysh River. However, this was a military campaign not explicitly related to either ethnic resettlement or exploration of new territories. About the same time, in Western Siberia burial sites with horses (although they were very rare) started to emerge along with quite a significant number of metal items of Turkic character which formally date back to the Katandinskiy stage in the culture of Altai-Tele Turkic people (VII to VIII centuries), according to the Altaic periodization. However, there are grounds to assume that they entered the territory of Western Siberia not at the time the Second Turkic Khanate flourished but after it had fallen, and Turks ousted toward Altai were forced to move further north. In all probability, this had to result in the formation in southern areas of Western Siberia of a specific 'bilingua', both linguistic and cultural, with local components prevailing, especially in traditional everyday culture. Apparently, processes of turcization started to the full only in the mid IX century when, after the fall of the Uyghur Khanate, on adjacent territories to the north of it there emerged one of the latest and most northern ancient Turkic ethno-social formations, i.e. a state of Kimak-Kypchaks

with the centre on the Irtysh River. Within the Kimak-Kypchak Confederation (the Srostkinskaya culture, mid IX to the early XI centuries), a series of local variants of culture (these of northern Altai, Kemerovo, Novosibirsk) formed which were situated exactly on the territory of southern regions of Western Siberia. After the dissolution of the Kimak-Kypchak formation (in the 1030s), 'centrifugal' vectors of its constituent ethnic groups' resettlement took these southern elements further to the North. And the Basandai culture that followed (in the IX to the XIII centuries) adopted them genetically.

REFERENCES

1. Dulzon, A.P. (1963) Etnicheskiy sostav drevnego naseleniya Zapadnoy Sibiri po dannym toponimiki [The ethnic composition of the ancient population of Western Siberia according to toponymy]. In: *Trudy XXV Mezhdunarodnogo kongressa vostokovedov* [Proceedings of the 25th International Congress of Orientalists]. Vol. 3. Moscow: Nauka. pp. 289-295.
2. Savinov, D.G. (2006) Drevnyetyurkskoe vremya – kul'tura – traditsiya (istoriya poyavleniya termina i nekotorye voprosy kul'turogeneza) [The ancient Turkic time – Culture – Tradition (the history of the term and some issues of cultural genesis)]. In: Tomilov, N.A. (ed.) *Integratsiya arkhеologicheskikh i etnograficheskikh issledovaniy* [Integrating Archaeological and Ethnographic Research]. Krasnoyarsk; Omsk: Nauka. pp. 29-32.
3. Savinov, D.G. (2011) [Potestarian associations of Western Siberia in the early Middle Ages]. *Kul'tura kak sistema v istoricheskom kontekste: opyt Zapadno-Sibirskikh arkhеologo-etnograficheskikh soveshchaniy* [Culture as a system in its historical context: The experience of the West-Siberian archaeological and ethnographic meetings]. Proc. of the 25th International Archaeological and Ethnographic Conference. Tomsk: Agraf-Press. pp. 24-26. (In Russian).
4. Konikov, B.A. (2002) [On the interaction of Turkic and Finno-Samoyedic civilizations (The Early and Developed Middle Ages)]. *Tyurkskie narody. Kul'turnoe nasledie narodov Zapadnoy Sibiri* [Turkic peoples. The cultural heritage of the peoples in Western Siberia]. Proc. of the 5th Siberian symposium. Tobol'sk; Omsk: Omsk State University. pp. 275-276. (In Russian).
5. Chindina, L.A. (1977) *Mogil'nik Relka na Sredney Obi* [The Burial Rēlka on the Middle Ob]. Tomsk: Tomsk State University.
6. Savinov, D.G. (2013) "Zvezdnyy chas" rannesrednevekovogo naseleniya Gornogo Altaya (seredina VIII – seredina IX v.) [The "finest hour" of the early medieval population of Gorny Altai (the mid-8th – mid-9th century)]. In: Molodin, V.I. & Shunkov, M.V. (eds) *Fundamental'nye problemy arkhеologii, antropologii i etnografii* [Fundamental problems of archeology, anthropology and ethnography]. Novosibirsk: SB RAS. pp. 445-459.
7. Vasyutin, A.S. (2010) [The problems of chronology of the final stage of the Upper Ob culture]. *Kul'tura kak sistema v istoricheskom kontekste: Opyt Zapadno-Sibirskikh arkhеologo-etnograficheskikh soveshchaniy* [Culture as a system in its historical context: The experience of the West-Siberian archaeological and ethnographic meetings]. Proc. of the Fifteenth International West Siberian Archaeological and Ethnographic Conference. Tomsk: Agraf-Press. pp. 112-115. (In Russian).
8. Arslanova, F.Kh. (1980) Keramika rannesrednevekovykh kurganov Kazakhstanskogo Priirtysh'ya [Pottery from the early medieval mounds in the Kazakhstan Irtysh]. In: Pletneva, S.A. (ed.) *Srednevekovye drevnosti Evraziyskikh stepey* [Medieval antiquities of Eurasian steppes]. Mopscow: Nauka. pp. 79-104.
9. Pletneva, L.M. (1997) *Tomskoe Priob'e v nachale II tys. n. e. po arkhеologicheskim istochnikam* [The Ob near Tomsk in the early 2nd millennium AC in archaeological sources]. Tomsk: Tomsk State University.
10. Savinov, D.G., Novikov, A.V. & Roslyakov, S.G. (2008) *Verkhnee Priob'e na rubezhe epokh. Basandayskaya kul'tura* [The Upper Ob at the turn of epochs. The Basandayka culture]. Novosibirsk: Institute of Archeology and Ethnography SB RAS.
11. Belikova, O.B. (1996) *Srednee Prichulym'e v X–XIII vv.* [The Middle Chulym area in the 10th – 13th centuries]. Toms: Tomsk State University.